

Шуликовская В.В.

Настоящие путешественники во времени. Ижевск: ООО Информационно-издательский центр «Бон Анца», 2008. – 384с.

Должен ли человек смириться с необратимостью времени? Как изменит отдельную личность и общество в целом возможность произвольно управлять ходом времени? Кто и для чего создал этот мир? Существуют ли «скрытые пружины мироздания» и что случается с теми, кто вообразил, будто знает механизм их действия? Эти и многие другие вопросы представлены в данной книге не с научной, а с художественной точки зрения, которая, по мнению автора, оставляет большой простор для воображения и самостоятельного истолкования текста, требуя от читателя обязательного сотворчества и соучастия.

Большую часть произведений, вошедших в сборник, объединяет тема путешествий во времени. Чем вызван Ваш повышенный интерес к этой теме? Считаете ли Вы, что когда-либо перемещение во времени действительно станет возможным?

В том, что касается возможности или невозможности путешествий во времени, проще всего использовать известный *принцип недостаточного обоснования*: при полном отсутствии информации, когда у нас нет никаких причин предполагать, что один из вариантов вероятнее, чем другой, следует считать их равновероятными. Например, один шанс из двух, что Бог существует, и один шанс из двух, что Бога нет. Ни то, ни другое проверить нельзя. После смерти может наступить небытие, мы можем попасть в загробный мир и остаться там навсегда, а возможно, нас ждет реинкарнация. Один шанс из трех — за каждый вариант, и каждый человек должен спросить у себя — а чего же хочет он сам? И представить себе последствия своего выбора. Потому что у людей, совершивших различный выбор, испытания в жизни будут разными. Может, и равноценными, но разными. Каково это, например, — жертвовать собой или просто умирать — человеку, который считает, что жизнь дается ровно один раз, и не признает ни загробной жизни, ни бессмертия? Сколько всего переживет когда-нибудь верующий, который во имя своей веры, добровольно, наложил ограничения на определенные чувства и поступки, а потом испытал невыносимое желание нарушить эти ограничения?

Лично мне предпочтительнее считать, что перемещаться во времени можно, второй вариант означал бы для меня нестерпимую душевную боль. И это качество — врожденное, потому что еще в раннем детстве мир, в котором вернуться в прошлое нельзя, казался мне неестественным и несправедливым. Кроме того, я убеждена, что будущее человечества неизбежно должно быть связано с освоением времени, хотя бы из-за того, что другие варианты оптимизма не внушают. Может быть, когда места на Земле перестанет хватать окончательно, когда закончится не только нефть, но и воздух, и питьевая вода, мы все вцепимся друг другу в глотки и уничтожим друг друга. Может быть, этого не произойдет. И станет нас не шесть млрд., а пятьдесят, а позже — пятьсот, и расселимся мы по всей Солнечной системе, и освоим Галактику, да не одну.. Что в этом такого уж привлекательного? Стоило ли ради этого обретать разум?

Кто-то, одержимый «синдромом Иисуса» (не Бога, а героя моей пьесы), с самого детства видит всю бессмысленность своей жизни и мучается от этого. Кто-то только на смертном одре вдруг осознает,

что вся его жизнь была «не то». (Вспомним «Смерть Ивана Ильича» у Л. Н. Толстого.) Что будет, если человечество, как единый организм, вдруг на каком-то этапе своей бесконечной истории осознает, что вся его жизнь — «не то»?

Верно ли, что во вступительной статье, описывая Homo in terrore, Вы использовали свой личный опыт? Не боитесь ли Вы так откровенно писать о себе?

Конечно, я использую свой личный опыт, изображаю себя, но не фотографически, а так, как это делает художник: выбирая некоторые черты, наиболее важные для общего замысла, и придавая им особую четкость. В принципе, будет полезно, если моя душа когда-нибудь превратится в объект научного исследования. В конце концов, наверняка где-то живут или будут жить такие же, как я: люди, мечтающие о путешествиях во времени, которым больно от невозможности вернуть прошлое. Если я хоть чем-то смогу им помочь — очень хорошо.

Точно так же в стихах я не рисую автопортрет, а создаю некоторый образ, несущий определенную нравственную нагрузку.

В Ваших произведениях любовная линия отсутствует или играет очень подчиненную роль. Чем это вызвано? Почему в большинстве случаев повествование ведется от лица мужчины, даже в стихах?

Для персонажей моих произведений любовь, семья — только часть жизни, и чаще всего не самая главная. Например, гипотетический автор «Дневника духа времени» наверняка неоднократно был женат и имел детей, но в «Дневнике» он об этом не пишет, потому что для него это не важно. Кроме того, я прекрасно понимаю, что для моих современников человек, личность как объект научных, философских исследований, как творческое, самопознающее начало — это все-таки мужчина, поэтому большинство моих героев мужского пола. В то же время можно заметить, что и проза, и стихи, в которых речь идет о любви, написаны либо от лица женщины, либо с таким расчетом, чтобы их мог прочитать вслух любой человек.

Еще одна причина, по которой повествование ведется от лица мужчин — желание по возможности создать дистанцию между моей личностью и личностями моих персонажей, все-таки я пишу не совсем про себя. Этим же, кстати, объясняется выбор фотографии на обложке.

Вам не кажется, что Ваши «Настоящие путешественники во времени», особенно в первой части, очень напоминают «Гарри Поттера»?

В действительности «Настоящие путешественники во времени» были написаны задолго до «Гарри Поттера», когда я училась в

университете, просто в конце 90-х годов у меня не было возможности что-либо опубликовать. Понимая, что сравнение этих произведений неизбежно, я прочитала «Гарри Поттера» очень внимательно и не один раз. При некотором сходстве (в обеих книгах изображены школы, предназначенные для обучения людей с необычными способностями) между книгами есть по крайней мере одно принципиальное отличие. Дж. Роулинг изображает мир, в котором, несмотря на всю его необычность, нравственные законы остаются неизменными. Любовь, дружба, верность сохраняют свое значение, смысл жизни и смысл смерти одинаков для волшебников и для всех остальных людей. В «Настоящих путешественниках во времени» все это безжалостно разрушается и возникают какие-то другие, еще смутные нравственные законы, а главные герои на протяжении всей книги пытаются их понять.

Почему книге дан подзаголовок «утопия»?

Слово «утопия» обычно означает, что автор хочет показать, как *должен* быть устроен мир с его точки зрения. Действительно, в конце книги главный герой понимает, что его мир, мир «школы путешественников во времени» — это что-то вроде переходной эпохи к совершенно другому будущему, которое намеренно никак не предсказано и не изображено («как нас мало на этой тонкой грани...»). И, на мой взгляд, устройство Школы, заведенные в ней порядки — лучшее, что можно было придумать именно для этого переходного периода.

Впрочем, я не отрицаю и другого истолкования. Может оказаться, что Школа и все, что ее окружает, — не более, чем гигантская лечебница для душевнобольных людей, одержимых страстью путешествовать во времени. Исцелившихся от этой страсти выписывают, а для остальных, безнадежных, создают искусственную реальность, отвечающую их мечтам.

Право выбора я оставляю за читателем.

Что Вы называете «эпохой рационального человека»?

Возможно, слово «рационального» было выбрано неудачно, так как оно вызывает ассоциации с «веком разума» (XVIII век). В действительности я имела в виду эпоху, которая наступит когда-нибудь в будущем, когда основная масса людей станет вести себя намного нравственнее и серьезнее, чем сейчас. (Например, в повести есть указания на то, что становлению рациональных людей во многом способствовала деятельность путешественников во времени, так как они искоренили преступность). Если предположить, что в истории бывают эпохи, вроде последних нескольких тысяч лет, когда особенно

бурно изменяется материальная сторона жизни, а духовные качества словно бы застывают на одном уровне, и бывают эпохи, когда все происходит наоборот, то для появления «рационального человека» нам необходимо пережить по крайней мере еще один период быстрого духовного прогресса.

Что Вы имеете в виду, говоря о предопределенности? Не слишком ли все это жестоко по отношению к героям?

Слово «предопределено» означает, что *вся* история человечества уже существует, а мы просто проживаем отдельные ее эпизоды, хотя и не понимаем этого. Так герои книги на пятой странице не знают, что с ними случится на 120-ой, но на самом деле книга уже написана. Я не знаю, обязательно существует предопределенность или нет, но, скорее всего, можно построить такую модель путешествий во времени, в которой предопределенность будет. Я думаю, любой путешественник во времени, знакомый с желанием много раз возвращать прошлое, предпочтет, чтобы его жизнь была предопределена, так как другой вариант — возможность менять историю — в действительности намного хуже.

Что Вы имели в виду, говоря о том, что жизнь путешественников во времени «складывается в невыносимые, порой невыносимые узоры»? Вы считаете, что линия времени обладает такой же кривизной, как и пространство в общей теории относительности?

Вполне возможно, что так называемая линия времени — это кривая малой кривизны. Но так же, как и в случае с пространством, мы этого не ощущаем, и на доступные нам законы природы это не влияет. Говоря об узорах, я имела в виду нечто иное. Предположим, что перед нами нарисована кривая, неважно, какой формы, и она изображает линию времени. Наша задача — закрасить эту кривую, заполнить ее точками — моментами своей жизни. Мы можем взять фломастер и, отрывая его от бумаги, провести сплошную линию от начальной точки до конечной. А можно закрашивать частями, то в конце, то в начале, то в середине, проходить один и тот же участок по несколько раз.

Почему Ваши путешественники во времени лишены возможности умереть? Одобряете ли Вы тех из них, кто смирился со своим существованием? Или настоящий человек должен восстать, хотя бы так, как это сделал Эвар?

Во-первых, это прекрасно, что в эпоху, когда нам грозит поголовное клонирование, бесконечное омолаживание, хоть у кого-то при прочтении книги возникает мысль, что своевременная смерть — благо. Во-вторых, строго говоря, у героев книги *есть* возможность умереть: после

того как им исполнится 1000 лет. К тому времени они, скорее всего, уже будут знать, что такое смерть, и смогут сделать осознанный выбор. Поэтому можно считать, что руководство Школы (если предположить, что в его действиях есть не только предопределенность, но и какой-то смысл) просто охраняет выпускников от преждевременных, необдуманных поступков. Вместе с тем, понимая, насколько невыносимо для людей, цепляющихся за свое прошлое, вести бесконечно долгое существование, руководство оставило им возможность «замкнуть свою жизнь» — как спасительный выход для тех, кто не в силах вытерпеть мук ностальгии, видимо, и не предполагая, что кто-то захочет таким образом избавиться от неразрешимых нравственных проблем.

Что касается тех, кто принял «условия игры», то я бы их не осуждала, как нельзя осуждать людей, которые смирились с существованием сил тяготения и не восстают против них. Как смерть, так и «замыкание жизни» другим людям никакой пользы точно не принесут. Неизвестно, принесут ли они пользу самому умирающему. Для этого надо знать, что случится после смерти, чтобы иметь возможность сравнивать. Хотя с нравственной точки зрения можно понять и поступок Эвара (между прочим, бывшего эсэсовца, который пошел в нацисты из-за нехватки острых ощущений).

Не кажется ли Вам, что при описании приключений главных героев в Древнем Египте и в Средневековой Франции можно было подобрать более яркие и выигрышные сюжеты?

Подобрать сюжеты, конечно, было бы можно, но я не ставила себе такой цели. Наоборот, «загруженность событиями», с моей точки зрения, по мере приближения к концу книги должна постепенно убывать: возможность путешествовать во времени не приносит героям той радости, на которую можно было бы рассчитывать, и мало-помалу все большее значение придается событиям их внутренней жизни, тогда как окружающий мир словно выцветает. Как объяснял директор Школы, «мы из людей делаем нелюдей». Недаром в последней части книги какие-либо внешние происшествия вообще отсутствуют. Главное ее «событие» состоит в том, что Лич вдруг кое-что понял про устройство мира, про свою судьбу, и это понимание в дальнейшем изменит его. Неслучайно возникают и такие нелепые сюжеты, как убийство на автобусной остановке или вспышка неправильной, невозможной отцовско-материнской любви Эвара к своему сыну.

Почему Вы так и не объясняете, о чем догадался в конце Ваш главный герой, какая судьба ждет в дальнейшем тех выпускников Школы, которые не стали «замыкать свою жизнь», каков смысл

всех «загадочных улыбок» Фернана? Точно так же и в «Замке бессмертия» очень многое остается непонятым.

Некоторые вещи я считаю необходимым оставить без объяснения. Как и в «Кратком курсе общей физики», каждый читатель может искать ответы самостоятельно. Кроме того, ощущение неразгаданной тайны, незавершенности часто придает тексту особую притягательность. (Аналогичным приемом пользовался, например, Честертон в романе «Человек, который был четвергом».)

Что же касается «Замка бессмертия», то могу только сказать, что в этой сказке, как я ее понимаю, идет поиск ответов на такие вопросы, которые могут возникнуть много лет спустя, уже после того, как будет существовать мир «Настоящих путешественников во времени». Впрочем, возможны и другие интерпретации этой сказки, например, как своеобразной пародии на легенды о сотворении мира, как история несчастного Бога, который сам не понимает, что он делает и для чего. Сравните: «Да будет свет, — сказал Бог. — И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош.» И «Будь он проклят, этот мир!... И тогда часть неба стала ярче, ярко белой... и что-то круглое очертилось над головой. Дыра в небе? Или...»

Вам не кажется, что содержание повести оставляет гнетущее впечатление? «Радость жизни», о которой упоминалось в учебных планах и, позже, в размышлениях героев — где она?

Кого-то из читателей книга угнетает, другие, наоборот, говорят о приливе ничем не оправданного ликования, так что все это очень индивидуально и, наверное, зависит от того, в чем мы привыкли искать радость. Есть люди, для которых лучшее, что есть в жизни, — оказаться лицом к лицу с чем-то загадочным, жутким, попытаться понять непостижимое, измерить глубину своей слабости и своего страха и перешагнуть через них. Для кого-то радость жизни в том, чтобы ощущать себя персонажем трагедии... В некоторых случаях невеселому и даже страшному смыслу противопоставлена «музыка текста», интонация, которая выражает желание жить вопреки всему. Если бы лично у меня была возможность выбирать, то я бы предпочла жизнь, как у героев книги, потому что для меня она более нормальна, чем нынешнее существование.

Стоило ли включать в сборник Ваши ранние произведения, во многом несовершенные?

Подготавливая этот сборник, я считала необходимым заложить в него определенный объем информации, причем информация, в моем понимании этого слова, должна содержать не только интеллектуаль-

ную, но и эмоциональную, нравственную составляющие. Ранние произведения несут по большей части именно эмоциональную нагрузку. Создать что-либо подобное сейчас я уже не смогу, потому что я уже никогда не буду так думать и так чувствовать. В конце концов, если бы в годы моего детства мне довелось прочитать подобные книги, то, несмотря на все их недостатки, мне было бы намного легче.

Откуда в «Дневнике духа времени» взялся подзаголовок «история любви»? Чем объяснить повышенную эмоциональность Вашего героя?

В «Дневнике духа времени» гипотетический автор дневника переживает состояния влюбленности в разные исторические эпохи, что, по-видимому, должно быть характерно для эмоционального развития потенциальных Homo in tempore, а может, и не только их. Поэтому «история любви», поэтому такой взволнованный тон, кардинально отличающий эту книгу от «Настоящих путешественников во времени». Я хотела показать, что одержимость историческими эпохами — это тоже страсть. Временами, особенно когда эта страсть обращена не на историю, не на чужие жизни, а на свою собственную, она может причинять сильную боль. Возникает душевная болезнь: ностальгия, описанная в «Настоящих путешественниках во времени», — обратная сторона этой любви, опасной еще и тем, что она не имеет своего выражения.

Действительно, когда люди влюбляются в обычном смысле этого слова, то опыт предшествующих поколений, многочисленные произведения искусства помогают им выразить эту любовь, направить ее по какому-то уже известному руслу, не искать формы для переживания своих чувств, а использовать готовые. Любовь к Родине, к науке, к искусству, хотя и встречаются намного реже, но все-таки тоже хорошо известны. А что делать с любовью к прошлому, с одержимостью временем — непонятно. И поделиться не с кем. Даже слов, которыми можно рассказать об этой любви, — и тех нет: еще не придумали.

«Дух времени» изначально скорее влюблен, чем болен. «Настоящие путешественники во времени» скорее больны. Тем не менее, в «Дневнике духа времени», в общем, показано, как *не надо* путешествовать во времени, а в «Настоящих путешественниках» — как надо.

Не кажется ли Вам, что в «Дневнике духа времени» Вы даете не слишком объективную интерпретацию исторических событий и исторических персонажей?

Проще всего было бы сказать в свое оправдание, что главный герой влюблен в исторические эпохи, а от влюбленных сложно ожидать

объективных оценок: они видят в предмете своей страсти нечто особенное, непонятное другим.

Конечно, сейчас я многие события и многих исторических деятелей оцениваю совершенно иначе, более того, даже в момент написания книги я уже придерживалась несколько иных взглядов. Та интерпретация истории характерна для обычного, к тому же не слишком умного жителя Советского Союза конца 80-х годов, каким, собственно, и был мой герой. Его взгляды характеризуют тот короткий промежуток времени, когда коммунистическую партию и Советскую власть уже отрицали, а Ленина и коммунистическое учение — еще нет. Надо также учесть, что все исторические эпохи оценивались на основе доступной мне, то есть открытой, официальной информации тех лет. Но в любом случае я не считаю возможным безоглядно отвергать тогдашнее, да и любое другое понимание истории, тем более что для меня это означало бы расстаться со своим духовным прошлым. Кроме того, не надо забывать, что любое историческое событие всегда очень многомерно и многопланово. Даже если мы попытаемся оценить характер отдельного человека, то и здесь нам придется столкнуться с множеством самых разных мнений, причем *все они будут правильными*. Что же говорить об эпохе, которую населяют миллионы людей? Поэтому каждая интерпретация имеет свой смысл и свое право на существование. Наверное, важны не сами исторические факты, а их художественная ценность и то, какие нравственные уроки мы можем из этих фактов извлечь.

В пьесе «Иисус по прозвищу мессия» все было бы замечательно, если бы не имя главного героя. Для чего Вам понадобилось оскорблять чувства верующих?

В этой пьесе очень существенно, что главный герой все-таки оставил после себя след в истории человечества, и о нем помнят спустя тысячелетия. Надо так же учесть, что пьеса была написана человеком, воспитанным в эпоху повального атеизма, а расставаться со своим прошлым я, как уже упоминалось, не умею и не хочу. Повторю также, что на мой взгляд любая личность, даже такая, допускает неоднозначное толкование. Кем бы ни был Иисус — я думаю, что Он бы меня простил.

В рассказе «Конец света» Вы изображаете мир, в котором доминируют женщины, и даже заступаете за мужчин. А что Вы вообще думаете о роли женщин и мужчин в обществе?

Наверное, естественные, биологические роли мужчин и женщин нуждаются в переоценке. Роль мужчины как физически сильного

существа, защитника и кормильца постепенно утрачивает свой смысл: есть различные механизмы, есть государство и право, а женщины, которые рожают далеко не так часто, как раньше, вполне способны прокормить себя и своих детей. Возможно, на какой-то срок действительно наступит эпоха доминирования женщин, и именно это позволит нам иначе оценить мужское начало. Мир, которым правят женщины, станет, скорее всего, максимально безопасным и очень предсказуемым, и однажды мы поймем, что это не всегда хорошо.

Каким образом Вы выбирали порядок расположения стихов в «Записках безумца» и в «Антистихах»?

Честно говоря, в «Записках безумца» стихи расположены в самом простом порядке — по алфавиту. Хотя определенная система все же есть: чем ближе к концу «Записок», тем больше внимания уделяется попыткам *побороть* безумие или найти в нем какие-то положительные моменты. В «Антистихах», если оставить в стороне первое (вводное) и последнее (заключительное) стихотворения, порядок в какой-то мере соответствует разным возрастам человека: рождение, любовь, проза взрослой жизни, не находящее понимания творчество и, наконец, стремление «создать свой памятник» (никому не нужный памятник) вопреки всему.

Откуда взялось название «Краткий курс общей физики»? Вы пытаетесь излагать стихами какие-то научные результаты?

Говоря о физике, я использовала это слово в его изначальном, старом смысле: учение о том, как устроен окружающий нас материальный мир, во всем его несовершенстве. Что касается идей, стоящих за стихами, то в качестве примера можно указать цепочку рассуждений, лежащих в основе последней главы. Я исходила из того, что числа 2 (или 3, или 4) в природе не существует. В природе возможны три основных числа: ноль, единица и бесконечность. Иначе говоря, допустив наличие сверхсущества, создавшего наш мир, управляющего нами, я не могу поверить в его *всезнание и всемогущество*, не могу поверить в то, что в мире есть ровно два уровня иерархии: на одном находится Бог, на другом — все остальное. И даже если допустить существование промежуточного уровня ангелов, все равно такая модель неправдоподобна. Логично предположить, что «над каждым Богом есть свой Бог», и что этот ряд бесконечен. Но тогда слишком маловероятно, что он бесконечен только в одном направлении и что по какой-то роковой случайности именно мы оказались в самом начале ряда. То есть с очень большой вероятностью можно утверждать, что и мы должны быть Богами для кого-то еще. Пытаясь решить, в

каком же случае мы обладаем всевластием и способностью создавать реальность по своему желанию, я невольно думаю о человеческих мечтах, неважно, остаются ли они только в воображении или обретают вид художественных произведений. В дальнейшем эта основная идея обрастает подробностями, которые и составляют суть пятой главы. Все остальные стихи в принципе допускают такое же прозрачное истолкование, но я считаю, что каждый читатель должен искать его сам. Кстати, это истолкование не обязательно единственное.

Можете ли Вы дать какие-то указания к пониманию своих стихов? Например, следует ли понимать термин «средоточье» как указание на истолкование этого термина?

Что касается термина «средоточье», то выбранное мной слово говорит только об одном: это понятие играет центральную роль в стихах первой части.

Кроме того, можно догадаться, что первая часть посвящена, так сказать, неживой природе в статике. Вторая часть — ей же в динамике. Темой третьей части служат порядок, законы природы и исключения из них (чудеса). Четвертая часть — это теория человека. Пятая часть — теория Бога.